

Аутентичное обществознание в условиях гегемонии либерального дискурса

С. Г. Ильинская

Аутентичной в контексте данного выступления я буду называть обществоведческую традицию, соответствующую российской цивилизационной логике смысла, *идеологией* – концептуально-мировоззренческую систему, с набором базовых аксиом (вроде эффективности рыночной экономики), принимаемых бездоказательно и являющихся элементом веры, *дискурсом* – идеологически обусловленный способ употребления языка. Методологическими опорами настоящего доклада являются: концепция гегемонии А. Грамши, логико-смысловый подход А. В. Смирнова, междисциплинарная мультицивилизационная методология, пионером которой являлся Н. Я. Данилевский.

Концепция культурной гегемонии, сформулированная А. Грамши, утверждает, что в основе стабильности (или изменений) социальных структур лежит господствующее мировоззрение [2]. Значимой (если не главной) движущей силой социальных процессов, по Грамши, является идеология, понимаемая как мировоззрение, включающее неосознанные коллективные установки. Именно мировоззрение определяет конечный выбор и действие, и они могут существенно отличаться от декларируемых целей. Мировоззрение (или идеология) по Грамши основано на языке со своим «набором понятий и представлений», «обыденном сознании и здравом смысле», а также вере, которая может быть воплощена как в религии, так и «во всем комплексе народных верований, суеверий, мнений, воззрений, образов действий» [2, 4]. Поскольку установки, определяющие выбор и действие, не осознаваемы и являются «встроенной» производной культуры и времени, возникает принципиальная невозможность подлинной объективности и «относительность» любой рациональности.

Во многом основанная на идеях Грамши концепция гегемонии Лакло-Муфф [9] доводит идею культурной гегемонии, воплощенной в дискурсе, до

логического завершения – именно дискурс, как выражение идеологии, по их мнению, конструирует реальность.

Схожие идеи (пусть и концептуализированные по-иному) можно найти у философов науки, причем именно у тех из них, кто оказал революционное влияние на её понимание: Витгенштейна, Куна, Поппера, Фейерабенда [1; 3; 6; 8]. Эти идеи приводят нас к мысли о том, что любое знание (даже естественнонаучное) несёт в себе идеологию, а уж социо-гуманитарное знание внеидеологичным в принципе не бывает. В особенности, это касается знания политического.

Наука, сумевшая в XX веке, во многом, занять место религии, стала восприниматься некритично, как вера, и на деле включила в себя в том числе неосознаваемые «идеологические паттерны», выражающиеся, подчас, в крайнем догматизме, который, казалось бы, противоречит самой идее науки.

В отечественной традиции отказ от советского догматизма сменился догматизмом либеральным.

Возникает вопрос: насколько в целом социальные теории, редуцирующие живую действительность к моделям, могут служить основой для каких-либо практических выводов? Так, Шанталь Муфф (вслед за другими политическими учеными) считает, что доминирующая на Западе политическая теория, лежащая в основе устройства либерально-демократических государств, неспособна справиться с современными вызовами, именно потому, что основана на модели рационалистического мировоззрения «универсализирующей и гомогенизирующей формы, характерной для большей части либеральной теории со времен Гоббса» [5, 153]. Эта модель предполагает, что «задача политической теории заключается в том, чтобы установить универсальные истины, обязательные для всех, независимо от историко-культурного контекста» [5, 155].

Муфф ссылается на поздние сочинения Витгенштейна, в которых, по ее мнению, можно найти множество прозрений, «которые могут помочь нам не только увидеть пределы рационалистического мировоззрения, но и

преодолеть их» [5, 154]. Это, прежде всего, необходимость признания многообразия и противоречий, связанных с существованием множественности языков. Подход, который Муфф называет «контекстуалистским», безусловно, испытывает влияние Витгенштейна, а его представители задаются вопросами, можно ли считать либеральную демократию единственной из множества возможных форм совместного существования людей, и не является ли она продуктом конкретной истории, зависимой от специфических культурных, географических, исторических условий. Ответы, которые предлагают контекстуалисты, предполагают, что существование точки зрения, внешней по отношению к практикам и институтам конкретной культуры, невозможно, и, следовательно, нет точки зрения, которая позволяла бы выносить универсальные, не зависящие от контекста, суждения.

Тезисы о рациональности, чаще всего достаточно успешно работающие в случае наук о природе, вызывают вопросы, когда речь идет о людях. Витгенштейнианская перспектива, по мнению Муфф, «требует не теории истины и понятий, наподобие безусловности и универсальной обоснованности», а многообразия практик, направленных, например, на убеждение людей в необходимости расширения обязательств по отношению к другим, для того, что построить более солидарное общество. То есть, возможно, «новейшая моральная и политическая теория занимается не теми вопросами» [5, 157].

Исходя из подхода Грамши и его последователей, наука, существуя в истории, в той же мере влияет на коллективное бессознательное, в какой сама является продуктом коллективного бессознательного, в том числе специфического коллективного бессознательного, принадлежащего конкретному научному сообществу.

Для последователей Грамши и приверженцев коммуникативного подхода «идеология скрыто содержится во всех индивидуальных и коллективных проявлениях жизни – в искусстве и праве, в экономической

деятельности» [2, 23]. Идеологию в науку привносит все то, что связано с обыденным мышлением, поскольку природа обыденного познания идеологизирована и мифологизирована. Значение идеологии несомненно даже для наук естественных [3; 6; 8]. Сама передача понятийного аппарата науки происходит по «идеологическим законам», именно поэтому можно говорить об идеологии отдельных дисциплин, школ. Передавая набор понятий, наука передает рациональность как часть идеологии. Таким образом, идеология существует и внутри науки и определенным образом влияет на ее функционирование. В то же время в эпоху постмодерна наука сама становится идеологией массового сознания, заменяя собой религию – картина мира современного человека создана наукой. При этом так же, как и религия, наука воспринимается некритично. Люди используют наукообразные выражения, вырванные из системного научного знания, или отдельные положения, взятые без контекста высказывания, или ссылки на научные авторитеты. «Ученые обнаружили», это выражение стало символом того, как массовая культура формирует сомнительного качества мосты между наукой и обыденным сознанием.

Стоит отметить, что современная нам наука и как вид деятельности, и как институт, серьезно отличается от той науки, которую описывали ее философы и историки в начале XX века, и даже во второй его половине. Эту трансформацию процессов в сфере духовного производства именно Грамши предвидел еще в 1920-х годах, когда описал, пусть фрагментарно, грядущие изменения социальных механизмов культуры. Категория интеллигенции (интеллектуалов), в том числе научной интеллигенции, постоянно расширяется, обретает статус «массовости» взамен былой элитарности, происходит стандартизация, как в квалификации, так и в умах ее представителей. Грамши писал и о формировании рынка интеллектуального труда, со свойственными любому рынку конкуренцией, формированием профсоюзов и т. д.

Помимо важной для науки установки на «радость познания» на практике работают и другие установки, входящие с ней в противоречие. Это, например, «культ успеха», пропагандируемый капиталистическим обществом, подталкивающий членов научного сообщества к борьбе за статус, в результате которого стремление к истине отходит на второй план. Наука зависит (в том числе и финансово) от государства, корпораций, научных фондов и прочих грантодателей, общественного мнения.

Институт науки встроен в реальную жизнь, поэтому идеология и политика являются неотъемлемой его частью. С одной стороны, институт науки является частью социального целого и не может быть оторван от общественной жизни, на него влияют обыденные представления и заключенные в них «глубинные архетипические пласты коллективной ментальности». С другой, «жрецы» господствующих ныне в гуманитарных и социальных науках либеральных течений «неспособны понять и не хотят простить иных идеологий», а поскольку «у них есть сила осуществлять свои желания», то «эту силу они используют точно так же, как» когда-то их предшественники – католические универсалисты «использовали свою силу для того, чтобы навязать христианство всем тем, кого они встречали на пути своих завоеваний» [8, 299].

Ситуация усугубляется тем, что система массового обучения (в которой, несмотря на декларации обратного, учат запоминать, но не думать) транслирует науку как набор постулатов, а такая наука на практике лишается своего главного достоинства, отличающего ее от обыденного знания – постоянной рефлексии.

В текущем году на страницах журнала «Эпистемология и философия науки» развернулась дискуссия, в которой на стороне «контекстуалистов» (Витгенштейн, Муфф и др.) выступал философ К. А. Родин, а позицию «универсалистов» (с опорой на Гегеля) защищал правовед Д. К. Маслов. По мнению последнего «в языке может быть выражено только универсальное, принципиально доступное для понимания всех разумных существ» [4, 56].

Эта точка зрения игнорирует как принципиально иные «логики культуры» [7] существующих цивилизационных образований, так и различия в грамматике их языков (что существенно влияет на ход мыслей) или системах обычного права, порой веками не принимавших вводимых «прогрессивных» нововведений. Причина такого положения дел – гегемония неолиберального универсалистского консенсуса, прочно утвердившегося в отечественном обществоведении, пронизывающего не только научный, но и обыденный российский дискурс.

При совмещении в рамках критического подхода методологии постструктуралистского и когнитивно-лингвистического дискурс-анализа применительно ко многим направлениям исследований в политических науках (в порядке саморефлексии) немедленно вскрывается идеологическая ангажированность их базисных понятий, сформировавшаяся вследствие доминирования либеральной повестки все последние 30-35 лет. Так, например, в отечественном понятийном аппарате произошла замена ряда категорий на близкие по значению, но далеко не идентичные: место «капитализма» заняла «рыночная экономика», а «социализма» – «командно-административная система». Первая замена – один из ярчайших примеров категориальной эвфемизации, призванной заретушировать весь комплекс присущих капитализму социальных противоречий, вторая – напротив, пример «негативизации» политической системы, изымающий из смысла названия обозначаемого большое число достижений в вопросах социальной справедливости, которые дал опыт социалистических государств.

С 2019 года в рамках исследовательской мега-темы «Российский проект цивилизационного развития» в Институте философии РАН под руководством А. В. Смирнова в русле его концепции о различных логиках смысла, присущих локальным цивилизациям, не утихает спор между сторонниками универсалистской и мульти-цивилизационной парадигмы, в рамках которого, несмотря на самые убедительные аргументы мультицивилизационщиков, универсалисты не «сдают» своих позиций.

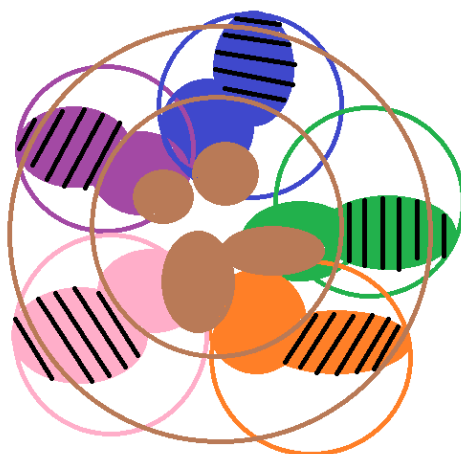
Наложение «полей» и взаимовлияние дискурсов, не позволяющее им этого сделать, можно представить себе примерно так.

Внутри различных типов цивилизационных логик культуры присутствует научный тип дискурса, существующий во взаимовлиянии с обыденным мышлением и имеющий пересечения с аутентичной философией (религией). На каждый из них накладывается западный рационалистический тип культуры и мышления, уже отказавшийся от религиозной компоненты, впитавший в себя достижения науки и философии иных цивилизаций и являющийся на сегодня доминирующим. Вся эта система различных цивилизационных логик культуры (имеющих порой значительные пересечения) погружена в гегемонию либерального дискурса, доминирующего в глобальном масштабе в рамках не только научного, но и обыденного дискурса.

В данной ситуации оказать достойное сопротивление подобной гегемонии могут только те исследователи-обществоведы, что сохранили структуры мышления, хоть как-то связанные с локальной культурой. Однако, взаимные пересечения и наложения дискурсов привели к парадоксальной ситуации, когда нелиберальный научный дискурс оказывается повсеместно маркирован как ненаучный или идеологизированный, вследствие чего его носители «выдавливаются» из академической среды. А существующая в Российской Федерации система обучения в настоящее время полностью исключает возможность подготовки нелиберально мыслящих кадров. Школьный курс обществознания был сформирован исключительно в рамках либерального дискурса. Недавнее введение развёрнутых типов ответов в ЕГЭ по истории и обществознанию ничего не изменило: эксперты начисляют баллы только за стандартные формулировки, предусмотренные в качестве «правильных». В социально-гуманитарных науках критические исследования поощряются во всем, что разрушает локальную традицию, а не либеральный гегемонизм.

Из-за доминирования глобального неолиберального консенсуса социальные науки в настоящее время выполняют, в основном, идеологическую функцию, представляя, например, глобализацию, либерализацию, дегуманизацию (в том числе снижение социальной ответственности государства) и др. тренды текущего момента как объективные и безальтернативные процессы. Разработка аутентичного локально-цивилизационного наполнения ключевых категорий общественных наук и немедленное внедрение этих результатов в образовательный процесс может способствовать преодолению последствий гегемонистского дискурса.

Схема 1. Наложение логик культуры и дискурсивных полей¹



¹ Пересекающимися цветными окружностями показаны различные типы цивилизационных логик культуры, в каждом из которых присутствует научный тип дискурса (выделенный заливкой внутренний круг), существующий во взаимовлиянии с обыденным мышлением (без заливки) и имеющий пересечения с аутентичной философией и/или религией (выделенный заливкой заштрихованный овал). В центре – светло-коричневой окружностью, с наложением на все другие – представлен западный рационалистический тип культуры и мышления, уже отказавшийся от религиозной компоненты, впитавший в себя достижения науки и философии иных цивилизаций, являющийся на сегодня доминирующим. Вся эта система погружена в гегемонию либерального дискурса, доминирующего в общественном сознании в глобальном масштабе (внешняя светло-коричневая окружность).

ЛИТЕРАТУРА

1. Витгенштейн Л. Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 440 с.
2. Грамши А. Тюремные тетради. М.: Издательство политической литературы, 1991. Ч. 1. 564 с.
3. Кун Т. После «Структуры научных революций». М.: АСТ, 2014. 448 с.
4. Маслов Д. К. Витгенштейн и Гегель // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 1. С. 51–57.
5. Муфф Ш. Витгенштейн, политическая теория и демократия // Логос. 2003. № 4-5 (39). С. 153-165.
6. Поппер К. Логика и рост научного знания (избранные работы). М.: Прогресс, 1983. 605 с.
7. Смирнов А. В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое / А. В. Смирнов. М.: ООО «Садра»; Издательский Дом ЯСК, 2019. 216 с.
8. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / Пер. с англ. А. Л. Никифорова. М.: АСТ; Хранитель, 2007. 413 с.
9. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. Verso, 2001. 208 p.